

Кристаллография опыта

В феврале 1943 года в своих дублинских лекциях Эрвин Шредингер сделал заявление о сродстве между молекулой человеческого гена, отчеканенной золотой монетой, пролежавшей сотни лет в земле, и вросшим в породу кристаллом. Из этой цепочки перечисленных образов следовал вывод о том, что фундаментального различия в состояниях материи между человеческой молекулой ДНК и кристаллическим веществом нет. «Причина заключается в том, что формирующие молекулу атомы — вне зависимости от их количества — связывают силы той же природы, что и многочисленные атомы, составляющие истинно твердое вещество, кристалл»¹.

Дублинские тезисы позволили ученому вплотную подойти к проблеме физических начал — энтропии и, как говорил сам Шредингер, «негативной энтропии», — истоков, в рассуждения о которых могли себе позволить углубляться, имея к тому соответствующие когнитивные инструменты, лишь профессора алхимических академий эпохи Ренессанса. Говоря о силах, которые обеспечивают смысл границ между зернами вещества, смысл становления и разрушения, смысл процессов самодиффузии материи, они касались универсальных процессов жизни. Позже лекции, прочитанные в Дублине, войдут в книгу, название которой так и будет звучать: «Что такое жизнь?».

Работа с внутренними границами вещества предполагает чтение материи. Окрашенная воспоминаниями Шредингера о военной Вене, о куске сублимированного кофе, который следовало напряженно колоть стамеской, прежде чем разделить с кем-то, — его новая трассировка веществ на «апериодические», то есть аморфные,

---

¹ Шредингер Э. Что такое жизнь? Физический аспект живой клетки / Пер. с англ. А. А. Малиновского, Г. Г. Порошенко. М.: АСТ, 2018. С. 92.

и «периодические» — истинно твердые, — выходила за пределы строгой научности дальше, чем допускал дискурс XX в. Но забытый всего на пару дней кусок кофейного «асфальта» вдруг начинал плавиться в жестяном ковше и вел себя как жидкость, показывая ученому свою скрытую природу на правах ответа.

*

*Ключ пишет себя среди отдельных фактов —
их секвенируют, чтобы найти ее сердце,
оставшееся где-то внутри.*

(Е. Сулова. «Вода и ответ»)

Факты языковых событий составляют основу книги «Вода и ответ», чтение которой сродни движению в динамическом равновесии с текстами. Именно здесь раскрывает себя нюанс письма Суловой.

Как кристалл растет, совпадая с собой же, сохраняя разные скорости роста своих вершин и тем самым удерживая цельность своих свойств в динамике, так и в тексте растет новое тело, своего рода напарница читательницы, с заданными пиками роста и кризиса. Ее становление зависит от способности читающей удерживать внимание в смысловых потоках, в тяге переходов чтения, что создает прецедент для экстремальной навигации в плотных текстурах письма. И эта плотность не иллюзорна, ведь сам текст — периодическое вещество языка, как минимум равное триаде из дублинских лекций. Монета, кристаллическая друза и ДНК в революционной типологии австрийского ученого — это истинно твердые вещества, но у каждого из них, безусловно, своя особенная манера существования и сообщения с миром. Эти различия берут свои начала в фундаментальных причинах физического строения каждой материи.

Так, для каждого кристаллического тела остаются принципиальными оси их внутренней структуры, они же определяют природную логику вещества. Именно на

этом уровне следует искать и радикальную асимметрию их внутренних свойств, которые в итоге предъявляют себя внешнему миру. Структуры становления материи обуславливают манеру отношений, они сами средство коммуникации. Продольный и поперечный срез любого кристалла различаются не только пространственной ориентацией. Два среза всегда дадут разный ответ на механический раздражитель, на рентгеновский луч, на оптическую задачу и на прикосновение теплой человеческой руки. В кристаллографии подобная асимметрия или разнонаправленность именуется анизотропией и сообщает о том, что физический смысл цельности, понятой как одновременность в пространстве, времени и скорости, возможен лишь при условии внутренних различий.

Таким образом, и в письме Сусловой разнонаправленность или «разность тропов» — это причина, удерживающая отношение представленного и представимого как отношение одномоментной репрезентации и смыслового присутствия в единстве. И — одновременно — это проба того, что очевиднее находит себя в речи, когда сказанные слова оказываются лишь элементом в расширенной области послания, включающего интонацию, взгляд, обстановку и, в конце концов, время.

Физическая анизотропия в переводе с древнегреческого означает *ἄνισος* — «неравный» и *τρόπος* — «направление». Если слюда отслаивается вдоль осей своей молекулярной симметрии вплоть до тончайших пластин, то она же сохраняет прочность в перпендикулярном этим осям направлении. Именно такие свойства когда-то и привели к формальному союзу слюды и оконного проема. Тонкие слюдяные пластины окислялись на воздухе, но и могли отслаиваться внутри деревянных оплеток окна, задавая циклы видимости поочередно: сцен внешней, способной быть рассказанной, и смысловой жизни, охватывающей как расширенное время, так и более

объемную локализацию. Подобная геометрия молекулярного действия обнаруживается там, где читательница следует навигации предписанного желания узнавать, сверяясь с собою в тексте. Там и тогда она найдет вертикали дискретных граней рассказа. Задержись она там — и ей достанется лишь «смертная оболочка» стиха. Но каждая такая грань — это и слой языка. В другой координате все того же цельного феномена поэзии. Через эти слои Сусллова проходит первой, оставляя не столько формальный след, сколько двойник движения, затрагивая пласты опыта, «здесь» и «там», время настоящее и отсутствующее.

*

Существующая практически без плато, без инерции поэтического наслаждения, эта книга и есть протокол роста, становления и отделения, в котором каждый несущий феноменальную конструкцию образ намерен обернуться глаголом.

Облики, опрокинутые в действия, и вообще «глагольное предписание» этих текстов генерирует и одновременно укрывает физиологию растущего близнеца от нашего желания увидеть ее, а значит схватить.

Ее образ невозможно удержать на фоне колотых пейзажей «внутреннего мира», поверхность текста вообще блокирует искушение визуализировать за исключением редких миражей. Но и те служат только временной анизотропной поддержкой для дальнейшего выхода к одному только индексу, присутствию смыслового движения:

Одна из песчинок раскрылась, и я увидел на вертикально стоящей платформе черную грудку камней, которая при ближайшем рассмотрении оказалась стадом обугленных овец и склонившейся над ними женщиной. Она сжимала в кулаках свое платье и сама была неопределенной формы. Ее платок угрожал своей памятью, цветностью, тем, что еще могло произойти, если картина не сорвется из виду.

(Е. Суслова)

Но если увидеть нельзя, если внутренний взгляд больше не может быть надежным инструментом читательницы, то на место визуализации приходит ориентация как первосвидетельство нашего присутствия в мире. Ориентация же как лейтмотив текстов Евгении Сусловой напоминает нам о нашей радикальной сотканности из смыслов, а не просто из значений, судьба которых быть рано или поздно исчерпанными.

В процедуре ориентации, в географическом ли, в историческом ли модусе, сам смысл и обладание им являются первичным инструментом. Но здесь *направление* больше нельзя указать жестом руки, здесь оно вообще не является ни пространственным, ни временным понятием, а становится намерением, позволяющим прижиться в мире.

Даже оплав или мелкий кристаллический осколок воспроизводит свою многогранную форму в соответствующем растворе, проделывая не столько работу по припоминанию своей собственной молекулярной сигнатуры, сколько протягиваясь своими координатами к миру, чтобы коснуться последнего, а значит, познать. Жизнь кристалла в этом ключе может иметь разную смысловую судьбу. Одна из множества возможных линий — пройти урок псевдоморфизма, однажды коснувшись пряжки ремня рудокопа, а после очертив собою надбровные дуги его пустых глазниц. Псевдоморфоза (*ψευδομορφία*) — это «вымышленная форма», то есть познанная и измышленная самой материей. В минералогии этим термином обозначают процессы замещения, когда один химически активный минерал принимает не свойственную ему форму, вытесняя инертные элементы своего Другого, будь то ветка сосны или человеческий череп. Именно псевдоморфический мотив, этот вымысел камня, оказался важной опорой для немецкой романтической мысли, в частности для Гофмана, создавшего на основе реальной истории окаменевшего человека свои «Фалунские рудники». В местном музее в шведском Фалуне

и сейчас есть витрина, посвященная той самой истории о познании, в которой ни камень, ни человеческий череп уже не являются тем, чем их велит считать молва.

Но романтический след в текстах Суловой если и обнаруживается, то лишь как собственный исходник: как связь микро- и макроуровней природного. А вопрос о границе, с которой начинается семантизация в живых и неживых системах, является для нее первоочередным.

Возможно, именно поэтому для контекстуального понимания ее работ важен опыт Александра Введенского, ясно почувствовавшего как драматургию различия масштабов, так и драматургию движения от места, где покоятся семена смыслов, к месту человеческих слов. «В теории относительности и в микрофизике возникают неразрешимые парадоксы, то есть бессмыслицы. Биологически смерть понятна, но смерть разумного существа непонятна и бессмысленна»¹.

Но неразрешимость парадоксов и неотвратимость бессмыслицы отступают в тот момент, когда появляется интуиция об отношении или — в письме Суловой — интуиция об ориентации на область ответа.

*

*Хрупкое равновесие будущего —
животное вместо рук, ожидающее врачей,
мчащихся на машине с горящими камерами.*

*Они восстановят нейтральность,
повторяя ошибочные имена событий,
документы тех, кто не успел прикипеть
к несогласованным именам».*

(Е. Сулова)

¹ Друскин Я. Чинари. Авто-ритет бессмыслицы // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. М.: Ладомир, 1998. Т. 1. С. 46.

Сегодня тропы машинности не производят силы, удерживающие дом или что-то вроде дома, способного укрыть хотя бы двоих под своим смыслом как под сводом. На фоне этого процесса само будущее обрело ценность для многих из нас как никогда.

Что же тогда может быть домом, в котором мы захотим жить завтра? Что могло бы противостоять состоянию языка, в котором автоматическая ориентация — субститут антропологической, а каждый фрагмент смысла откровенно дискретен в отношении к своему необходимому продолжению?

«Дом носится между людьми», — сообщает Суслова. Основное в нем не потоки и обмен данных, а способ ориентации в координатах языковых аспектов. И это действие происходит вне категорий сюжета, темы, формы и, в случае автора — даже вне определенных средств выразительности, — потому что ориентировано грамматикой *направления*.

Это вовсе не значит, что тот же сюжет в книге оказывается нивелирован окончательно. Он все еще есть и звучит эхом автобиографических историй вроде сюжета о новости, сюжета о машине Марии, способной накапливать совпадения, или сюжета переписки двоих. Но от машины скорее остался след, а эти двое больше не прикованы к колее своих слишком реальных историй. Все, что они оставили в тексте после себя, — это звенья из «врат привязки». Автобиографического здесь рабочий минимум. Это тот случай, когда сила личного события делится как минимум надвое, превращаясь в общее. Так некогда конкретные двое становятся краткой единицей связи подобно простейшей молекуле водорода: *«Боль создает новости. И я читаю ее, задрав голову так, что ты не увидишь. Бедное окружение жизни»*.

Метод ориентации в анизотропных пространствах, будь то письмо Сусловой или ситуация живой речи, не предполагает гомогенной среды для скорого и оттого как

будто ясного обмена содержанием. Каждый текст книги «Вода и ответ» — это хаб, перехватывающий радикальные друг для друга условия мысли. Сам этот узел динамичен, его наличие уже порождает среду, необходимую для скачка: от операции сверки с собою на оси повествования в кратких сюжетных пунктах — к смыслопредстоянию, то есть к простейшему из домов вне любого лингвистического и по сути локального, национального проклятия. Скачок происходит мгновенно, так как мысль перестает быть косной и обращается в *направление*.

В интенсивности недр, переходящих в плавучий знак, в процедуре вызревания по смежности протягиваются новые руки напарницы. Именно одночастность этого движения и сталкивает нас с первым результатом перевода из сил в слова, когда мы читаем строку в книге. От этого становится ясно, почему текст не стремится нравиться, ведь он оперирует другим наслаждением. Тем, о котором вероятно был осведомлен и Введенский, когда растягивал мгновение в «Где. Когда» настолько, что между простыми островками сказанного начинало сквозить. «Этим я провел как бы поэтическую критику разума <...> Я усумнился, что, например, дом, дача и башня связываются и объединяются понятием „здание“. Может быть, плечо надо связывать с четыре. Я делал это на практике, в поэзии, и тем доказывал. И я убедился в ложности прежних связей, но не могу сказать, какие должны быть новые. Я даже не знаю, должна ли быть одна система связей или их много. И у меня основное ощущение бессвязности мира и раздробленности времени»¹.

Ощущение раздробленного времени и бессвязности мира — это не столько характеристика исторического момента, не локальная интуиция XX века, сколько

---

¹ Введенский А. Всё. М.: Издательство ОГИ, 2013. С. 630.

непосредственное приближение к кризису реальности, которая окисляет, разлагает и ничтожит. В этом свете появление смысла уже может служить манифестацией негэнтропии.

У Суловой поле рассказа иссечено потому, что несет в себе мгновенно охлажденное состояние смысла — история или точнее автобиографический эпизод является выражением, своего рода документацией смыслового присутствия. И каждая строка из книги — первый и единственный шаг после перехода на эту ось языка, где силы становятся снова объектами натюрморта: «кто-то где-то как-то на что-то подействовал».

В пределах текста Евгения Сулова смещала границы смысловой тени в зону наблюдаемого. Этот перевод стал возможен внутри ситуации мысленного эксперимента, — своего рода «алхимического субстрата современной рациональности» (Сулова). Нечто, что лишь гипотетически было доступно касанию, выводится в световой арал наблюдения. В экспериментальных науках мысленный эксперимент был местом укрытия для инаковых эпистем, которые бы смыло иначе давлением потока ортодоксальной науки. Исторически мысленный эксперимент был и остается необходимым, чтобы устанавливать связности между теоретическими принципами, и потому мог служить входом во многие из незнакомых домов. Однажды возникшая связность порождает энергию: шагни на порог в неизвестное — и условия мысли из гипотетических и фактических цепочек превратятся в новое качество цельного события в силу собственной валентности феномена, оставив позади шум популистских призывов к радикальной коммуникации.

Александра Сухарева

P.

В один из дней язык взорвал себя вместе с моей жизнью. Но все же мне хотелось остаться в живых. Я шла сквозь знакомые сооружения, сквозь дистрофию любви, желая распознать в сигнатуре дня аппарат по утилизации иллюзий. Я ударила фантомом о фантом — и раздался взрыв. И поэтому вы держите в руках эту книгу. Что, если грамматика живет не там, где мы ее ищем? Что, если она просто влюбилась в структуру, но не принадлежит ей? Может быть, телом грамматики однажды стало то, что связывает нас, когда мы читаем друг друга, не зная об этом? Оно непрерывно переводит нас из дома сил в дом форм, из состояния в смысл, из энергии в информацию — и обратно. Это природная цель каждого мгновения. Не это ли работа языка? Я написала роман в стихах и техническую инструкцию одновременно о том, как двигаться в поисках того, что может быть в будущем основано в вас на правах ответа.

///

Во время кризиса все части систем были изолированы друг от друга. Так как связи функционально обогащали объекты, то это разъединение привело к упрощению структуры и их память была практически полностью редуцирована. Однако некоторые объекты обнаружили способность накапливать потенциальные связи и совпадения, фантазируя о них, благодаря чему спонтанно возникали особые зоны микроактивности, в которых эти объекты, на первый взгляд не имеющие никаких свойств, бесконечно усложнялись. Их сложность была опрокинута внутрь. Она работала где-то, на той стороне. Чем больше связей они накапливали, тем сильнее становилась их языковая способность.

///

Я пригласила Марию лечь на атом, создав оболочку.
Она просила соединений. Как заразить узнаванием то,
что забыло?

Марию усыновляет движение
и качает ее на руках —

страх формы становится отпечатком,
для которого не находится места.

Ключ пишет себя среди отдельных фактов —
их секвенируют, чтобы найти ее сердце,
оставшееся где-то внутри.

///

«Кожа убыточна, как резкое расселение соли, взорванной вдалеке. Я обходил поле после того, как последний вертолет исчез в воздухе, и теперь всякое могло случиться. Формы стали мельче и быстрее, и приходилось сворачиваться, чтобы не повредить глаза. Вдалеке был установлен гигантский вращающийся диск. Приблизившись к нему, я понял, что любая песчинка, попавшая на его центральную поверхность, преобразовывает свой информационный облик».

///

Ты так долго стоял перед сердцем,
что оно перевело свою форму на все,
к чему я могу прикоснуться.

Я беру самое меньшее из того, что во мне,
и жалею, что оно живет,
намертво вжившись в свою активность.

Событий так много,
и они такие маленькие.

Иногда они приближаются,
сотканые из кожи, экранов и слов.

Подходя вплотную,
они теряют связность.

Чтобы выдержать их приближение,
я остаюсь на месте и вижу,
что ты тоже остановился,
чтобы пройти сквозь них.

Так я иду с тобой,
как сердце обособляет себя от всего,
во что оно влюбилось.

И мы двигаемся вне контакта
с сообщающейся средой.